

VOGUE

НЕДЕЛЯ

Олег Пет

Олег Пет Неделя

<https://litres.ru/74051184>

SelfPub; 2026

Аннотация

В вечерней тишине захолустного однушки, где пахнет дешевым одеколоном и одиночеством, старший лейтенант Коваль пил свою водку. У него не было ни жены, которая ждала бы к утру, ни детей, ни даже той смешной грядки, что называют дачей. Была служба, давящая на позвонки, и тоскливое эхо пустой комнаты.

Однажды на выезде нашелся журнал. Яркий глянец из мира моды, и из ниоткуда пришли три девушки — слишком тихие, и красивые чтобы быть настоящими. Коваль бросил пить. Продал телевизор и плеер, словно вещи могли стать платой за выход из бесконечного круга. В больнице пахло озоном и концом, где Алиса лежала в коме, а аппарат дышал за нее до тех пор, пока чья-то рука не нажала кнопку.

Говорят, теперь он — один из самых интересных случаев местного психиатра. Потому что есть вещи страшнее мертвых. Это живые, которые перестали быть собой.

Олег Пет

Неделя

Неделя

Пролог

Кабинет психиатра располагался в подвале районной поликлиники. Окна под потолком, бетонные стены, выкрашенные бледно-зелёной краской, которая шелушилась от сырости. Запах карболки и табака — здесь курили, не открывая форточку, потому что форточка была заклеена на зиму.

Доктор Эдуард Самуилович Берг сидел за столом, листал историю болезни. Ему было под семьдесят, но руки не дрожали. Он работал в психиатрии сорок три года и видел всё: от послевоенных контузий до девяностых, когда люди сходили с ума от денег, которых не было. Он знал, что человеческое сознание — это не храм и не мастерская, а просто старая проводка в панельном доме. В любой момент может замкнуть. И неважно, от чего: от войны, от любви или от одиночества.

Вошёл Семёнов. Без формы, в потёртой куртке на рыбьем меху. Положил на стол журнал — тяжёлый глянец, «Vogue».

Берг полистал, не поднимая глаз.

— Рассказывайте, — сказал он.

Семёнов рассказывал полчаса. Про труп повешенного парня, про журнал, про трёх девушек, которые приходили из ниоткуда. Про то, как Коваль пил, бросил пить, продавал телевизор и плеер. Про больницу, где Алиса лежала в коме. Про отключение аппаратов. Берг слушал, кивал, иногда что-то записывал шариковой ручкой — ручка скрипела, он менял стержень.

— Шизофрения? — спросил Семёнов.

Берг отложил ручку. Снял очки, протёр их носовым платком — платок был старым, в клетку.

— Шизофрения — это когда голоса приказывают убить соседа. У него другой случай. Реактивный психоз, параноидный синдром с бредовым компонентом. Галлюцинации зрительные, тактильные, слуховые — комплексные. Встречается у людей, которые слишком долго были одни. Мозг начинает сам себе придумывать собеседников, а потом сам себе — любовников. А потом сам себе — горе.

— Лечить?

— Можно. Нейролептики, транквилизаторы, терапия электросудорожная. Только толку мало. Он сам должен выйти из этого. Или не выйти.

Берг закрыл историю болезни, погладил обложку. Положил журнал в ящик стола, не спрашивая разрешения.

— Я оставлю это себе.

— Зачем? — спросил Семёнов.

— Буду иногда листать. На ночь глядя. Чтобы помнить: мы все — пациенты. Просто одни лечатся, другие — нет.

Он встал, подошёл к окну, выходящему прямо на асфальт — на уровне тротуара. За окном прошла женщина с коляской. Берг проводил её взглядом.

— Передайте вашему Ковалю: пусть зайдёт. Когда будет готов.

Семёнов кивнул, надел шапку, вышел. Берг остался один. Закурил. Выпустил дым в форточку — та не открывалась, дым стелился по потолку.

Он открыл журнал на первой странице. Там была девушка в красном пальто. Брюнетка с зелёными глазами. Она смотрела куда-то в сторону, как будто ждала кого-то. Или кого-то провожала.

Берг смотрел на неё долго. Потом закрыл журнал, запер ящик.

— Красивая, — сказал он вслух. — Жаль, что ненастоящая.

Тихо щёлкнул замок.

Глава первая

Осень в этом городе наступала не постепенно, как в книгах, а сразу — как удар под дых. Вчера ещё было тепло и пахло прелыми листьями с лёгкой ноткой надежды, а сегодня небо обвалилось серым бетоном, и пошёл дождь. Тот самый, который идёт не переставая трое суток, просачивается сквозь одежду, сквозь кожу, сквозь все барьеры, которые человек выстраивает между собой и миром.

Старший лейтенант Сергей Коваль стоял на крыльце

опорного пункта и курил. Сигарета намокла через минуту, но он всё равно докурил её до фильтра, потому что некуда было спешить и незачем было возвращаться внутрь. Внутри пахло мастикой для пола, дешёвым растворимым кофе и той особенной тоской, которая поселяется в казённых помещениях где-то к пятому году эксплуатации.

Ему было тридцать семь. Возраст, когда люди уже обзаводятся ипотеками, детьми, разводами и привычкой по субботам ездить на дачу. У Коваля не было ничего из этого. Была однокомнатная квартира на третьем этаже панельной пятиэтажки. Лифт не был предусмотрен. Пять лестничных пролётов, сто двадцать ступенек. Сергей считал их каждый раз, когда возвращался пьяным, — чтобы не упасть. В доме не было ни одного чётного числа: третий этаж, квартира семнадцать, сорок седьмой год постройки. Каждый день подниматься на эту гору, каждый день спускаться. Как напоминание: жизнь — это всегда вверх, но потом всё равно вниз. В квартире было холодно, батареи грели через раз, окна выходили на помойку. Но он не жаловался. Жаловаться — значит надеяться, что кто-то исправит. А он давно перестал надеяться.

Была форма, которая сидела на нём мешковато, потому что за последний год он похудел на семь килограммов. Была привычка просыпаться в четыре утра от любого шума в

подъезде. И было одиночество — такое густое и плотное, что его можно было резать ножом и намазывать на хлеб.

Вызов пришёл в шестнадцать сорок семь. Диспетчерша, вечно недовольная Вера Николаевна, прокартавила в рацию: «Коваль, тут у тебя на Подольской, дом четырнадцать, заявительница говорит — труп мужчины». Сергей затушил сигарету о край бетонной ступеньки, поправил кобуру и пошёл к машине. Лёха Дорохов, молодой опер, которого прикрепили к нему два месяца назад, спал на заднем сиденье, подложив под голову планшет. Сергей тронул его за плечо.

— Просыпайся, Лёха. Труп.

Лёха открыл глаза без страха — не потому, что был смелым, а потому что за два месяца ещё не научился бояться. Эта стадия проходила у всех по-разному: у кого-то после первого ножевого, у кого-то после первого утопленника, у кого-то после первого висняка. Лёха был ещё в розовом периоде, когда смерть казалась чем-то далёким и почти театральным.

— Опять? — спросил он зевая. — В этом месяце уже четвёртый.

— Пятый, — поправил Сергей. — Ты забыл того, на Вок-

зальной.

— А, тот, с синим лицом? Я думал, он сам по себе умер, сердечный приступ.

— Он и умер сам по себе. Только упал лицом в борщ. И пролежал трое суток. Запах потом из квартиры не могли вывести, соседи жаловались.

Лёха поморщился. Сергей завёл машину. Служебная «Лада» зафыркала двигателем. Дворники заскрежетали по мокрому стеклу, оставляя за собой веер грязной воды.

Дом на Подольской был старым, ещё сталинской постройки, но его давно не ремонтировали, и он выглядел как больной старик, которого перестали выводить на прогулку. Штукатурка осыпалась, в подъезде пахло кошками, лифт не работал с девяносто восьмого года. Они поднялись на четвёртый этаж пешком. Ступеньки были изъедены временем, но всё ещё держались. Перила скрипели при каждом нажатии, как будто жаловались на жизнь.

Квартира семнадцать. Дверь не заперта. Соседка, женщина лет шестидесяти с лицом, изъеденным бессонницей и дешёвыми сигаретами, ждала на площадке, зябко кутаясь в халат.

— Я в глазок увидела, — зашептала она быстро, будто боялась, что кто-то услышит. — Он в коридоре. Я позвонила сразу. Не стала заходить. Мало ли. А вдруг он ещё живой? А вдруг он меня задушит? А вдруг там бандиты...

— Спасибо, гражданка, — перебил Сергей. — Мы сами. Он вошёл первым. В коридоре было темно и тихо — слишком тихо, той особенной тишиной, которая бывает только в квартирах, где кто-то перестал дышать. Сергей включил фонарик на телефоне. Свет выхватил из темноты облезлые обои в цветочек, вешалку с одним-единственным пальто и фигуру в глубине.

Мужчина был молодой. Лет двадцать восемь, не больше.

Лицо его было спокойным, почти умиротворённым, словно он наконец решил давний вопрос.

Он подошёл ближе, машинально отметил про себя, что парень был босиком. Почему-то это всегда запоминается.

— Без обуви, — сказал Лёха, остановившись в дверях. — Почему он без обуви?

— Не важно, — ответил Сергей. — Обувь не имеет значения, когда человек решил, что ему больше некуда идти.

—Или все-таки убийство? Ладно следствие разберется.

Он сделал несколько снимков на служебный телефон, стараясь не смотреть на лицо дольше необходимого. Потом позвонил дежурному, вызвал следственную группу — всё по инструкции, которую он знал наизусть уже лет десять.

Пока ждали, он прошёл в комнату. Квартира была маленькая, чистая, но бедная. На кухне — пустой холодильник, пачка соли на столе. В комнате — продавленный диван, старый телевизор, письменный стол из ДСП. На столе его взгляд привлек яркий глянец журнала.

Он взял журнал в руки, чтобы занести в опись. Ожидал увидеть что-нибудь вроде «За рулём» или «Охотник и рыбовод» — такие чаще всего попадались в мужских квартирах. Но это другой глянец. Тяжёлый, толстый, с яркой обложкой. «Vogue».

Он открыл его на середине.

И замер.

Девушки. Нет, не девушки — женщины. Они смотрели на него с глянцевых страниц так, как будто знали что-то, чего не знал он. У них были длинные ноги, тонкие талии, волосы, которые явно мыли не шампунем из супермаркета за сто два-

дцать рублей. Они стояли на фоне закатов, морей, небоскрёбов, старых замков — там, где воздух стоил денег, а улыбка — ещё больше.

Сергей перелистнул страницу. Ещё одну. И ещё. Он забыл, где находится. Забыл про труп в коридоре, про Лёху, который копался на кухне, про дождь за окном. Он смотрел на девушку в красном пальто. Брюнетка, зелёные глаза, короткая стрижка. Она стояла на пустой вечерней улице, обернувшись через плечо, и смотрела куда-то в сторону, как будто ждала кого-то. Или кого-то провожала.

«Интересно, — подумал Сергей, — как тебя зовут».

Он не заметил, как сунул журнал в свой планшет. Под протоколом он записал: «Глянцевый журнал — 1 шт.», но в опись его включать не стал. Это было мелкое нарушение, почти незаметное. И потом — мёртвому журнал уже не нужен. А Сергею почему-то казалось, что нужен.

Когда приехала следственная группа, Сергей уже стоял на площадке, курил и смотрел, как санитары выносят тело в чёрном мешке. Мешок был слишком коротким, и ноги упирались в дно, так что покойника пришлось согнуть — это выглядело почти неприлично.

Лёха подошёл, достал пачку сигарет.

— Чего думаешь?

— Думаю, что он не пил, — сказал Сергей. — В квартире нет ни одной бутылки. Даже пустой. Даже из-под пива.

— Может, в депрессии был? Или все-таки убийство?

— Может и так, конечно. Пускай разбираются.

Он затушил сигарету, попрощался со следователем, сел в машину и поехал домой. Не в отдел — домой. Семёнов, начальник, уже привык, что Сергей иногда уходит пораньше, если нет срочных вызовов. Семёнов был мужик старый, понимающий. Он знал, что такое выгорание, знал, что такое смотреть на трупы по пять штук в месяц, и никогда не задавал лишних вопросов.

По дороге Сергей заехал в магазин. Купил кефир, хлеб, пару котлет из кулинарии и пол-литра виски — не самого дорогого, но и не самого дешёвого. Виски он брал редко, но сегодня почему-то захотелось.

Дома он переоделся в тренировочные штаны и старый свитер, который помнил ещё времена, когда свитера вязали

бабушки, а не продавали в «Спортмастере». Съел котлеты с хлебом, запил кефиром, вымыл тарелку. Потом сел на продавленный диван, налил виски в гранёный стакан — другой посуды в доме не было — и взял в руки журнал.

За окном шумел дождь. В соседней квартире кто-то ругался — мужской голос, женский голос, детский плач. Обычный вечер в панельной пятиэтажке. Тишина здесь стояла дороже виски.

Сергей листал журнал медленно, как листают альбом с фотографиями умерших родственников. Страница за страницей — женщины, которых он никогда не встретит. Даже если выиграет в лотерею, даже если станет президентом, даже если переедет в Москву — он всё равно никогда не встретит таких. Потому что такие женщины живут в другой вселенной. Там, где утренний кофе стоит как его месячная зарплата, а развод обходится в стоимость однокомнатной квартиры в Москве.

Он остановился на той самой. Брюнетка в красном пальто. Она смотрела на него с глянцевой страницы — нет, не на него. Она смотрела сквозь него, в вечность, в ту самую пустоту, которая остаётся, когда заканчиваются мечты.

— Ты красивая, — сказал Сергей вслух. Голос в пустой

комнате прозвучал глухо, почти испуганно. — Знаешь, какая ты красивая? Если бы ты пришла ко мне, я бы... я бы даже не знаю, что я бы сделал. Наверное, просто смотрел бы на тебя. Целую неделю. Целую жизнь.

Он усмехнулся. Налил ещё виски. Выпил. Закурил — в квартире было можно, он здесь сам себе хозяин.

— Мечты, — сказал он дыму. — Мечты — это единственное, что у нас остаётся, когда всё остальное отняли.

Журнал упал на грудь. Свет ночника — дешёвый китайский светильник с прищепкой — падал на страницы мягко, делая картинки почти живыми. Сергей смотрел на девушку в красном пальто, и постепенно её черты начали расплываться. Он не заметил, когда закрыл глаза. Просто провалился в сон — не тяжёлый, как обычно, а какой-то странный, глубокий, с ощущением, что кто-то рядом дышит.

Во сне пахло осенью и чем-то сладким, совсем чужим.

Глава вторая

Он проснулся от того, что кто-то тихо кашлянул.

Рефлексы участкового сработали мгновенно: рука потянулась к кобуре — она висела на спинке стула. Потом он вспомнил, что дома, и открыл глаза.

На краю его продавленного дивана сидела девушка.

Та самая. Брюнетка из журнала. Короткая стрижка, зелёные глаза, красное пальто — только сейчас пальто было растёгнуто, и под ним виднелось чёрное платье, простое, без всяких вычурностей, но такое, что у Сергея пересохло во рту. Она сидела ровно, положив руки на колени, и смотрела на него с лёгкой полуулыбкой — не насмешливой, нет, скорее грустной.

Сергей не закричал. Он вообще не умел кричать — головные связки атрофировались за годы работы. Он сел, проморгался, потёр лицо ладонями. Девушка не исчезла.

— Ты... — начал он и замолчал. Голос был хриплым, как после долгого молчания. — Ты кто?

— Меня зовут Лина, — сказала девушка. Голос низкий, чуть хриловатый, с той особенной интонацией, которая бывает у людей, привыкших, чтобы их слушали. — Ты звал меня вчера вечером.

— Я не звал. Я просто... смотрел на тебя в журнале.

Лина улыбнулась. Улыбка у неё была не такая, как на глянце-вой странице. Там она смотрелась надменно, почти враждебно. Здесь — тепло, по-человечески. И в этой улыбке было что-то такое, от чего Сергей вдруг понял, что забыл, как выглядит счастье.

— Ты смотрел, — сказала она. — И думал. А это одно и то же. Иногда мысли сильнее слов. Особенно если они повторяются много раз.

Сергей оглядел комнату. Всё было на месте: грязный стакан на столе, пепельница с окурками, журнал — раскрытый на той самой странице. Только девушка на странице теперь отсутствовала. Вместо неё была белая пустота и мелкий шрифт — описание коллекции осень-зима.

Он перевёл взгляд на Лину. Она была настоящей. Он видел поры на её коже, лёгкую красноту на скулах — сказалась прохладная ночь в квартире с плохим отоплением. Видел, как вздымается её грудь под чёрным платьем. Видел, как она дышит. Живые люди так дышат.

— Это сон, — сказал он. — Я сплю.

— Если это сон, — ответила Лина, — какая разница? Ты всё равно проснёшься.

— Когда?

— Когда я уйду.

Сергей замолчал. Внутри что-то щёлкнуло — как затвор пистолета, когда досылаешь патрон. Он вдруг почувствовал опасность. Не физическую — другую, ту, от которой не защитит бронезилет и табельное оружие.

— И когда ты уйдёшь? — спросил он.

Лина отвела глаза.

— Через неделю. Ровно через неделю. Это всё, что у меня есть.

— Неделя? — переспросил Сергей. — Ты придёшь из ниоткуда и уйдёшь в никуда через семь дней? Зачем?

— Я не знаю, — сказала Лина тихо. — Я знаю только, что так надо. Ты получишь семь дней. А потом я исчезну. И ты не сможешь меня вернуть, сколько бы ни звал. До следующего

раза.

— До какого следующего раза?

Она не ответила. Вместо этого она встала, подошла к окну, отдернула занавеску. За окном серело утро. Дождь кончился, но небо было низким и тяжёлым, как жесьть.

— У тебя на кухне есть что-нибудь, кроме кефира и котлет? — спросила она, не оборачиваясь.

Сергей растерянно заморгал.

— Я могу сбегать в магазин.

— Тогда беги. Я хочу нормальный завтрак. Кофе. Яйца. Сыр. И хлеб — не тот, который ты вчера купил, а нормальный, багет. Или круассаны. Ты умеешь выбирать круассаны?

— Я... нет. Не умею.

Лина обернулась. Улыбнулась по-настоящему — так, что у Сергея ёкнуло в груди.

— Тогда бери самые дорогие. Они всегда самые вкусные.

Он встал, надел джинсы, свитер — тот самый, бабушкин. У двери остановился, обернулся. Лина сидела на диване, поджав под себя ноги, и листала его журнал — не тот, глянцевоый, а старенький «Российский детектив», который он читал перед сном.

— Ты не исчезнешь, пока я хожу? — спросил он.

— Не исчезну, — сказала Лина, не поднимая глаз. — Исчезнуть я могу только через семь дней. Ровно. Как по часам.

Он вышел в коридор, надел ботинки, вышел на лестничную клетку. Там остановился, прислонился лбом к холодной стене. Сердце колотилось так, как не колотилось даже в перестрелке три года назад, когда он вытаскивал раненого коллегу из-под обстрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.